

Петр Червинский (Petr Chervinskii)

 <https://orcid.org/0000-0001-6575-5736>

Uniwersytet Śląski w Katowicach

Wydział Humanistyczny

41-206 Sosnowiec, ul. Grota-Roweckiego 5

chervinski.piotr@gmail.com

ТЕПЛО ЛИ ТЕБЕ, ДЭВИЦА?..
(МОТИВЫ «МОРОЗА» КАК СКАЗОЧНОГО СЮЖЕТА)

Are You Warm, Girlie?..
(The Frost Motif in the Fairy-Tale Plot)

Резюме

Опираясь на сюжет известной русской народной сказки о Морозе (Морозко) в двух его вариантах, помещенных в сборнике А.Н. Афанасьева № 95 и № 96, автор анализирует и выводит признаки действующих в ней персонажей – старухи (мачехи), старика, падчерицы и старухиных дочерей (родной дочери во втором варианте).

Выведенные признаки формируются в роли – доминирующей преследовательницы и распорядительницы для мачехи, покорного исполнителя ее воли для старика, преследуемой и обрекаемой к смерти для падчерицы, избалованных мачехиных дочерей. Позволяет это перейти ко всему дальнейшему – выведению и характеристике определяющих мотивов Мороза. По тексту сказки в обоих ее вариантах такими мотивами становятся: пограничное и чужое пространство (бор, лес, глушь, чисто поле); характерное для героя появление-приближение (сверху, по елкам или же подходя); моторика слышимых, но не обязательно видимых движений (потрескивание, пощелкивание, поскокивание, подпрыгивание); троекратное усиление морозящего воздействия на объект; богатство и вследствие этого способность одаривать; формы вежливого обращения, приветствие, «умные речи»; смерть в результате окостенения; брачный мотив; пение песенок на морозе (при неумирании) и т.п.

Полученные результаты сопоставляются с темами и мотивами, характерными для национальной культуры, что находит свое отражение в пословицах, поговорках, обычаях, обрядовой практике, а также в народных и не только народных, авторских песнях.

В завершение проделанного анализа выводится общая схема сюжета.

Ключевые слова: сказка, сюжетный мотив, роли и функции персонажей, семантика, предикатные характеристики.

Summary

A famous Russian folk tale about *Jack Frost* (*Морозко*) nos. 95 and 96 in the collection by A.N. Afanasyev is the starting point of the analysis by the author of this paper. He presents the features of the characters in this tale i.e. The Old Bat (Step Mother), the Old Man, Step Daughter and Step Mother's Daughters (her own daughter in the second variant).

These features are presented in the roles of Step Mother as the domineering persecutor and administrator, the Old Man as the obedient executor of her will, the Step Daughter as a tormented wretch who was later sentenced to death, The Step Mother's own daughters as the spoiled misshapen girls. The characteristic motifs of Frost are presented and described according to the tale in both variants. These are: 1. border and foreign space (forest, woods, wilderness, middle of nowhere); 2. the arrival of the main character (i.e. Jack Frost) from the sky, pine trees, getting closer; 3. the motor activity of audible but not visible movements (cracks, clangs, jumps); 4. the triple intensification of the freezing effect on the object; 5. the wealth and the possibility of giving due to it; 6. the kind of polite forms of addressing to Jack Frost, welcoming him, "wise speeches"; 7. the death caused by frost; 8. the wedding motif; 9. singing songs in the freezing cold weather (being still alive).

The obtained results are compared with the motifs and themes typical for the national culture and so this is reflected in proverbs, sayings, customs and folk rites as well as in author's songs.

In the summary the general outline of the plot is presented.

Keywords: fairy tale, plot motif, roles and functions of characters, semantics, predicates' properties.

Хорошо известный сюжет, о котором речь, в источнике *Народные русские сказки* (Афанасьев, 1957, 140–144) представлен в двух вариантах (№ 95 и № 96), открываясь в № 95 словами устойчиво-формульного зачина: «Жили-были старик да старуха, – и продолжаясь следующим, также довольно типическим образом: – У старика со старухой было три дочери». Второй вариант ситуацию представляет иначе, без упоминания старика (он появляется позже): «У мачехи была падчерица да родная дочка». То, что старшая дочь была падчерицей, имеется также и в первом случае, объясняя старухину к ней нелюбовь: «Старшую дочь старуха не любила (она была ей падчерица), почасту ее журила, рано будила и всю работу на нее свалила». Иными словами, знакомый Золушкин вариант. Задачей, впрочем, будет не столько это, сколько то, что следует, связываясь с отражением в тексте Мороза как персонажа активного действующего и говорящего лица, взаимодействующего с отправляемыми к нему девицами. Начнем, однако, не с этого, а с представления всех персонажей, с тем чтобы на основе приписываемых им по тексту характеристик определить функциональную сторону, находящую отражение в сюжете, а также поле передаваемого в нем субъектно-объектного взаимодействия. Определение будет касаться как одного, так и другого из упомянутых вариантов, что позволит представить картину в более полном объеме.

Первыми, следуя тексту варианта № 95, будут старик и старуха, как парно-совместный субъект (№ 96 такого не предполагает):

– Старик да старуха – жили-были; старик со старухой – [имеют] трех дочерей;

– Мачеха (№ 96) – падчерица да родная дочка.

В отношении *жили-были* можно ввести показатель существования, $S^1S^2(Exist)$, для пары субъектов. В отношении двух остающихся характеристик – обладания, $S^1S^2(Possess3SO)$, $S(PossessSO)$, где $3SO$, SO указывает на субъекта (трех субъектов) как на объект, совместный объект в первом случае обладания. Продвигаясь далее по порядку, можно вывести следующие, предикатно определяемые расположения (опустим подробности разворачивания сюжета, представив для краткости лишь проявляемые признаки):

– Старшая дочь (Марфуша) $Major(Filia)$ – старуха [ее] не любила (объект негативного отношения со стороны женского старого $O[(NegEmot)S(Femin.Senex)]$, или объект отчуждения-неприязни $O(Host)$ в обобщении, поскольку старшая дочь для старухи чужая; объект понуждения, помыкания и постоянного недовольства или объект притеснения $O(OpressS)$; субъектный агент исполнения всех желаний и требований старухи $Ag(EffectS)$, страдающий от всего этого, мизеративный объект $O(Miser)$. И это было бы на данном сюжетном этапе ее основным ролевым положением. Не распиная в подробностях, что заняло бы немало места и не так, чтобы существенным образом повлияло бы на поставленную задачу, все дальнейшее по двум текстам представим определяющими итоговыми предикатными характеристиками каждого персонажа (за исключением Мороза, о котором речь пойдет далее). Старшая дочь, или падчерица, выступает объектом постоянного подавления $O(OpressS)$ со стороны своей мачехи и ее дочерей. Во втором варианте подобная роль старухиной родной дочери не отмечается. Нет в конечном итоге подобного отношения к объекту изведения, удаления за пределы дома-двора $O(Extract)$ прямого по № 96: «Придумала мачеха падчерицу со двора согнать», и непрямого, укрытого, замещенного по № 95: «Отдадим Марфушу замуж», – с целью не просто избавиться от нее, но, отдав Морозу, лишить ее таким образом жизни $O(Mort)$. Тем самым происходит переходящее одно в другое растущее усиление, от неприятия и притеснения – к изведению и истреблению $O(Opress) > O(Extract) \rightarrow O(Mort)$. Это последнее реализует, должно себя реализовать в пределах не освоенного человеком пространства: старику предстоит увезти дочь в бор, к большой сосне, в глушь (№ 95) «во чисто поле на трескун-мороз» (№ 96).

Предикатно определяемые роли других персонажей, за исключением Мороза, а также до встречи с ним в обобщении выглядят следующим образом:

Старуха (№ 95), мачеха (№ 96) – преследовательница по отношению к падчерице и распорядительница по отношению к ней и старику – доминативно-персекутивный субъект $S(DominPersecut)$.

Падчерица (Марфуша, № 95) – в обобщении, как было раньше указано, страдающий, мизеративный субъект $S(Miser)$.

Старик. Его положение выводится на такой основе: «Старику жалко было старшей дочери; он любил ее за то, что была послушная (послушная) да работающая, никогда не упрячилась, что заставят, то и делала, и ни в чем слова не перекорила (не перечила); да не знал старик, чем пособить горю. Сам был хил, старуха ворчунья, а дочки ее ленивицы и упрямыцы» (№ 95). Согласно № 96 его позиция определяется из реакции на требование мачехи вывезти девицу «во чисто поле на трескун-мороз». «Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку на сани, хотел прикрыть попонкой – и то побоялся; повез бездомную во чисто поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочерниной смерти» (№ 96). В двух вариантах старик безвольный, слабый, не сопротивляющийся, боязливый объект, во всем поддающийся воле мачехи, действующий по сюжету как покорный во всем исполнитель $S(Exact)$.

Две старухиных дочери (№ 95), родная дочь мачехи (№ 96) представлены как избалованные любимицы своей матери и такие же преследовательницы дочери старика, как и их мать – фавор-персекутивный и парный по № 95 субъект $(2)S(FavorPersecut)$. Во втором варианте, как уже говорилось, подобная роль родной дочери мачехи не отмечается.

Оформляемое в персонажах действие до появления Мороза выглядит следующим образом. Старуха, она же мачеха, выступает инициатором избавления от падчерицы (старшей дочери, а также дочери старика), обрекая ее на смерть, под предлогом брака с Морозом. «Увези Марфутку к жениху и отдай ... за Морозка» – в первом случае и непосредственно во втором «во чисто поле на трескун-мороз». Понуждает она к этому действию старика, который, не сопротивляясь, покорно исполняет ее таковую волю. На этом этапе данное действие – избавление, ведущее к смерти объекта, экстрактив-мортуатив $ExtractMort(O)$ – предстает линейно: Субъект-инициатор > Агент-исполнитель > Объект > Целевой (финитный) субъект исполнения, реализации, осуществляемого действия, по формуле $S(I) > AgMed(Extract) > O(ExtractMort) > SFin(RealMort)$. Двойственность избавления-умерщвления разделяется между двумя ролевыми проекциями: $Extract$ – в отнесении к старику и $Mort$ – предполагаясь Морозу. При этом в первой проекции исполняется, во второй – нет, оборачиваясь в нечто иное.

В этом месте подходим к определяющей части повествования – взаимодействующей встрече с Морозом и получившегося из этого следствия. Мороз, в первом из вариантов Морозко, во втором, представляемый как Мороз красный нос, появляется, характеризуясь словами, «вдруг слышит: невдалеке Морозко на елке потрескивает, с елки на елку поскакивает да пощелкивает. Очутился он и на той сосне, под коей девица сидит, и сверху ей говорит» (№ 95). «Приходит Мороз, попрыгивает, поскакивает, на красную девушку поглядывает» (№ 96). Важным в обоих случаях становится: а) отсутствие обозначено-видимых признаков персонажа, неизвестно, что он собой пред-

ставляет и как выглядит; б) потрескивание, с елки на елку поскакивание, пощелкивание, попрыгивание-поскакивание – трясущаяся моторика, воспринимаемая на слух и визуально в движении, что характеризует его как мельтешащего и неустанно подвижного (вибрирующий флукуатив); в) заинтересованность оказавшимся в поле его проявления женским объектом, к которому он сразу же обращается либо с вопросом «Тепло ли те, девица?» (№ 95), либо с самопредставлением «Девушка, девушка, я Мороз красный нос!» (№ 96).

Обращаясь к первому варианту, можно отметить дополнительно следующее: приближение Морозко первоначально воспринимается только на слух, причем неизвестно, видит ли его девица или не видит, поскольку далее, как и во втором варианте, сразу же следует диалог. Для завязывания взаимодействующего контакта Морозко должен в своем приближении оказаться на той сосне, под которой находится девица (во втором варианте – Мороз должен прийти). Речь Морозко звучит сверху, что сопровождается действием замораживания, как следует из дальнейшего «Морозко стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать». Мороз спросил девицу (второй вопрос к ней), и замораживание это растет с его приближением, девица с каждым разом, а их было три, испытывает все больший холод. Далее следует самое важное, от чего зависит все остальное. В первом случае (№ 95) Морозко трижды задает один и тот же вопрос, и каждый раз с его большим формульным распространением – удвоением и утроением обращения: «Тепло ли те, девица? Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная? Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная? Тепло ли те, лапушка?» На что получает приязненно-благосклонный ответ, в таких же, устойчиво-организованных и содержащих в себе удвоения, вариантах: «Тепло, тепло, батюшко-Морзушко! Тепло, Морозушко! Тепло, батюшко! Ой, тепло, голубчик Морозушко». Последнее в предваряющем сопровождении словами «Девица окостеневала¹ и чуть слышно сказала». Полученные ответы подводят к тому, что «Морозко сжалился, окутал девицу шубами и отогрел одеялами». Но не только к этому, поскольку наутро, когда старуха, как принято по обычаю, отправляет старика будить молодых, тот «нашел ее живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую и короб с богатыми подарками».

Второй вариант (№ 96), более краткий и жесткий, описывает происходящее несколько по-другому. Дважды по тексту, при том, что Мороз приходит

¹ В связи с окостенением как умиранием от стужи, мороза внимания заслуживает такое важное замечание, касающееся значения близкого в семантическом отношении слова: «...одна из наиболее частых и убедительных семантических мотивировок обозначений льда связана с идеей сгущения, коснения, застывания, отвердения ... Эта идея часто реализуется как образ слабости, косности, усталости (но и лени, медлительности), истощенности, беспомощности, оцепенелости, короче говоря, – болезненного состояния и застывания = смерти» (Топоров, 1984, 412).

три раза, следует формула его представления девице без вариаций: «Девушка, девушка, я Мороз красный нос!». И это должно предшествовать тому, что, как следует из текста, «хотел ее тукнуть и заморозить». Иными словами, чтобы данное действие по природе своей совершить, ему необходимо жертве своей представиться, заявив таким образом о себе. Снимается предполагаемое действие тем, что следует из ее ответа на такое его представление: «Добро пожаловать, Мороз; знать, бог тебя принес по мою душу грешную». Желание тукнуть и заморозить уступает место тому, что «полюбились ему ее умные речи, жаль стало! Бросил он ей шубу». Тем самым важны эти «умные речи», следует знать, а если и не знать, то почувствовать, как и что отвечать в подобном случае.

Положительных разрешений из текстов двух вариантов по взаимодействию столкновению с Морозом, получается два, и оба они становятся следствием правильно выбранного вербального проявления. Первое разрешение предполагает не просто вежливость и приветливость обращения, но и укрывание своего замерзающего состояния, привычный для народной традиции отвод и обман² от действительного положения вещей при вероятном взаимодействии с потусторонним³. Девушка трижды повторяет Морозу, что ей тепло, в то время как ей не просто холодно, а в нарастающем прозябании она фактически замерзает. Первоначально до появления Мороза она «сидит да дрожит; озноб ее пробрал» Важно именно это «пробрал». Так пробрал, что «хотела она выть, да сил не было: одни зубы только постукивают». После второго подхода, когда «Морозко стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать, девушка чуть дух переводит, но еще говорит», а коль скоро «еще говорит» и «чуть дух переводит», то уже и недолго. И на третьем подходе, уже близком к смерти, «девушка окостенела и чуть слышно сказала». После чего только тот «сжалился, окутал девушку шубами и отогрел одеялами». Из этого объективно сложившегося для нее испытания, следует важ-

² По словам С.Ю. Неклюдова, «в данном случае мы встречаемся с ритуальным обманом. Мачехина дочка не знает этого приема, говорит правду, которая не может служить оберегом, Мороз ее замораживает. ... В сказках, в которых падчерица встречается в лесу с Морозом ... падчерица получает награду за знание некоторого этикета, умения вести ритуальный диалог. Мороз трижды спрашивает девушку, холодно ли ей. Е.И. Лутовинова справедливо выделяет три варианта ответа: правдивый, уклончивый и ложный (Лутовинова, 1991, 56)» (Неклюдов, доступ: 1.04.2023).

³ «... в народной культуре ритуальный обман (как вербальный, так и акциональный) часто служит магическим приемом для защиты от нечистой силы, болезней и других опасностей», что «объясняется тем, что в ритуале формальный адресат [...] не совпадает с «действительным» сакральным адресатом, которому предназначается ритуал. Таким «действительным» адресатом и прямым объектом обмана всегда является некая высшая сила, находящаяся за пределами «этого» мира» (Толстая, 1995, 109–110). О ритуальном обмане см., для примера: Усачева, 1996; Виноградова, Толстая, 1999; Толстая, 2002; Толстая, 2004. О разных видах такого обмана: Каспина, 2010.

ное обстоятельство, которое предполагает словами выраженное «тепло», в то время как очень и очень холодно⁴. Дело тут не только и не столько в обмане, сколько в том, что можно представить себе, как нечто подобное известной формуле взаимодействия с потусторонним либо чужим: «Ты и я, мы с тобой одной крови», снимающей вероятность губительного конфликта. Мне тепло, потому что и тебе, Морозу, не может быть холодно. Приводит это к тому, что в ответ Мороз принимает ее человеческую позицию, согревает шубами и одеялами, одаривает свадебными дарами, оставляя ей шубу хорошую, фату дорогую и короб с богатыми подарками. Ожидаемая и неминуемая смерть оборачивается сопровождаемыми брачным мотивом богатством и благоденствием. Второе возможное разрешение – полюбившиеся Морозу ее «умные речи», отчего ему «жаль стало» предполагает нечто иное. Само по себе приветливое, а точнее приветное приглашение⁵ «Добро пожаловать, Мороз» переходит в своем продолжении в упреждающее, по существу, заявление об ожидании смерти в виде назначенной высшей силой для исполнения Морозом судьбы «знать, бог тебя принес по мою душу грешную». Что повторяется без изменения дважды, после чего «он принес красной девушке сундук высокий да тяжелый, полный всякого приданого». И снова брачный мотив, развиваемый далее с третьим приходом Мороза. «Она его приветила, а он ей подарил платье, шитое и серебром, и золотом» (цвета и знаки потустороннего). Неминуемая смерть и в этом случае сменяется одариванием и ожидаемым благополучием. Мороз, таким образом, может и должен убить, заморозить, окостенить, но может также и одарить, смерть обратив в богатство. Богатство, в том числе в виде приданого к браку, не полярная и не противопоставляемая, а обратная к смерти и потустороннему сторона. Первоначально задуманная старухой, мачехой позиция целевого направления объекта (дэвицы) к Морозу, как субъекту реализации в смерти *SFin(RealMort)*, не случайна и в отношении двух ее дочерей. Для родной ее дочери оборачивается при правильности контактного вербального проявления со стороны объекта реализацией благополучия – субъект ожидаемого исполнения реализует значение фортунативного просперитива *SReal (FortunProsper)*.

⁴ Ср. представление, отраженное в эстонской сказке о трех братьях-морозах, которым было жарко в баньке, на печке и в доме у бобыля, в то время как сами они напустили такого холоду, что хозяин согреться никак не мог, при этом каждый последующий был сильнее, чем предыдущий (<https://estonskie-skazki.larec-skazok.ru/tri-sorvanca-deda-moroza>, доступ: 1.04.2023).

⁵ О приглашении к угощению Мороза с ласковым обращением к нему «Морозе-морозе», «Морозе-морозенько», с именованьем по отчеству «Мороз Васильевич», называя его «дедом», «паном», «дедом морозом», «паном морозом», прося его «на вечерю прийти», «кутью съесть» и пр. см.: Виноградова, 2004, 302. Те же сведения можно найти и в других источниках, см. для примера: Афанасьев, 1865–1869, I, 108, 318; Иванов, Топоров, 1982, 176; Новичкова, 1995, 389, 407–408; Власова, 1995, 89; Мадлевская, 2005, 91.

Далее следует предсказуемый оборот. Старуха, мачеха, желая того же и еще большего своим дочерям, своей родной дочери, отправляет старика с ними, с нею, руководствуясь на сей раз себя проявившей идеей благополучия *SReal(FortunProsper)*: «Увези-ка и моих-то дочерей к жениху; он их еще не так одарит!» (№ 95). «Старик, старик, запрягай других лошадей, вези мою дочь поскорей! Посади на то же поле, на то же место» (№ 96). Легко достижимое, казалось бы, в одном случае, становится не реализуемым в другом. То, что задумывалось и назначалось исходно для стариковой дочери, нашло свое воплощение в двух старухиных, мачехиной родной дочери, задуманное к повторению, удвоенному, поскольку для двух дочерей *SReal(FortunProsper)*, для них обращается в то, что закладывалось первоначально для падчерицы *SFin(RealMort)* по представленной формуле. Оставленные стариком под той же сосной старухины дочери, как и следовало ожидать, в полной мере проявляют свою капризную избалованность, невоспитанность и гневливость, затевая исполненный неприязненными замечаниями разговор в адрес матери и ожидаемого жениха, обмениваясь такими же злостно-колючими репликами, грубо и без стеснения задевая и оскорбляя друг друга. То же ждет и постепенно спускающегося ниже Морозко. Формульный вид обращенных к ним его вопросов выглядит, в сравнении с вопросами к стариковой дочери, прямо наоборот, начинаясь с трехкратного построения «Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные? Тепло ли, мои голубушки?», переходя к двукратному «Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?» и завершая себя в одиночном «Тепло ли вам, девицы?». Старухины дочки ведут себя откровенно и по нарастающему грубо, усиливая с каждым разом злобную неприязненность отношений. «Ой, Морозко, больно студено! Мы замерзли, ждем суженого, а он, окаянный, сгинул» (№ 95). В этом первом ответе «окаянным» представляется суженый, который к тому же «сгинул» (мотив того света). Во втором ответе озлобление оборачивается к Морозу: «Поди ты к черту! Разве слеп, вишь, у нас руки и ноги отмерзли». Морозко, хотя и по устойчивой формуле, но отправляется ими к черту, на тот свет, в преисподнюю, если прямо это воспринимать. Усиливается данное положение в третьем ответе, предполагая множественность чертей, обозначая место отправки к ним и «окаянным», называя на сей раз его самого. «Убирайся ко всем чертям в омут, сгинь, окаянный!». После чего тут же следует то, что «и девушки окостенели». Не случайно и важно в отношении Мороза и смерти, следующей от него, это самое «окостенели», обратившись в кости и заморозившись в кость. Тема, которая прозвучит также и во втором варианте (№ 96). Когда собачка под столом сообщает: «Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут», – мачеха, обращаясь к той, в стремлении спроецировать словами определенной формулы то, что желается, требует от нее совершенно иного. «Молчи, дура! На блин, скажи: старухину дочь женихи возьмут, а стариковой одни косточки привезут!» И та же собачка под столом в самом конце,

после состоявшейся смерти старухиной дочери от Мороза продолжает о ней то же, но уже как исполненное «Тяв, тяв! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут!»).

Второй вариант (№ 96) взаимодействия мачехиной дочки с Морозом после того, как по требованию старухи «вези мою дочь поскорей!», повез старик «на то же поле, посадил на то же место» выглядит неразвернуто, акцентируясь на хороших речах. «Пришел и Мороз красный нос, поглядел на свою гостью, попрыгал-поскакал, а хороших речей не дождал; рассердился, хватил ее и убил». Называется она, что опять не случайно, «гостьей» Мороза, с его позиции и с его стороны, а от гостьи, как известно, ожидают хозяева хороших речей. Коли гостья, то не у себя она и в чужом, но не потустороннем, а пограничном, открытом для контакта с потусторонним пространстве. Прямо указывает на это определение места – «чистó поле».

То же место чуждое для человека, им не освоенное и пограничное в тексте № 95 определяется как бор, «с прямой дороги, свернувши направо, прямо к той большой сосне, что на пригорке стоит, и тут отдай Марфутку за Морозка». Так это выглядит в наставлении старухи своему старику, что тот неукоснительно и исполняет. «Доехал до бору, своротил с дороги и пустился прямо снегом по насту; забравшись в глушь остановился и велел дочери слезать, сам поставил под огромной сосной коробейку и сказал: сиди и жди жениха, да смотри – принимай ласковее». Существенны эта «глушь» и бездорожье, поскольку «снегом по насту» и коробейка с нищим добром, и отсутствие у невесты приданого, и указание на свадебно-брачный мотив. Итак, большая сосна на пригорке в глуши без дороги – с одной стороны, и чисто поле – с другой, как еще одно отдаленное место встречи с Морозом и смертью. «Повез бездомную во чистó поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочерниной смерти» (№ 96). Существенно в данном случае то, что сразу же говорится о смерти, не о женихе. Вариант этот более откровенный, девица определяется в нем как бездомная, старик сваливает ее на су-гроб (соотношение с гробом, как собранный, подготовленный гроб⁶ через су-), прощается с ней (перекрестил), зная, что больше живой ее не увидит. Девица также знает, что ее ждет, произнося двукратно при встрече с Морозом фразу, ранее уже упомянутую «знать, бог тебя принес по мою душу грешную». Мачеха, в свою очередь, «по ней поминки справляет», для чего напекла блинов и прямо говорит старику: «Ступай, муж, вези хоронить свою дочь».

⁶ «Происходит от соединения приставки *су-* и глагола *грести, сгребать*, далее от праслав. *grebō, gre(s)ti (https://ru.wiktionary.org/wiki/сугроб, доступ: 1.04.2023). «О.-с. *гробъ. Старшее знач. – ‘яма’, отсюда ‘могила’ ... *grebō ‘грести’, ‘сгребать’, ‘рыть’ ... Ср. рус. *погребать, погребение*» (Черных, I, 1999, 219). Тем самым, *сугроб* представляется изначально как нечто нарытое, собранное в кучу: «*Сугрѡбъ (сгребать)* м. бугоръ снѣга, гряда, ворохъ, нанесенный вьюгой, суметь, сувой. ... *Непроезжий сугробъ*, могила» (Даль, IV, 2000, 353).

Во втором варианте (№ 96) непосредственно обращенном к смерти, без брачного предназначения Морозу появляется не случайная тема упомянутой перед этим собачки⁷, которая из текста трижды, несмотря на задабривание со стороны старухи поминальным блином, затем блинами, и даже после битья упорно повторяет одну и ту же, имеющую утверждающий смысл, представленную ранее фразу. «Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не возьмут!». Старуха, сердчая, активно на нее реагирует, требуя от собачки обратного, потому что произнесенное в слове, проецируясь на действительное и отражая его, должно обернуться и стать в связи с этим реальным. Имеет данное положение как предсказательный, так и заклинательный смысл. Повторяется то же собачкой в обратном расположении, и все с теми же не случайными косточками, когда старик везет умершую мачехину дочь. «Тяв, тяв! старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут!». В мешке везут, не старик везет, из чего получается, что не он сам, но с теми, а может, и теми, кто отправляет и с кем отправляются на тот свет⁸. И опять же по представлению не холодное тело, которое позже появится в самом конце, поскольку везут не тело, а косточки в мешке, в закрытом, скрывающем и обращающем к потустороннему.

Посылая за ней старика, рассчитывала мачеха на богатство, в полной уверенности, что так это и произойдет. «Старик, ступай, мою дочь привези, лихих коней запряги, да саней не повали, да сундук не оброни!». И лихие кони для важности и для скорости, и сундук, а к этому та же желаемая формула, которую должна произнести собачка, а та упорно не делает этого. «Не ври! На пирог, скажи: старухину в злате, в серебре везут!». На сей раз пирог, не блин, поскольку праздничный, а не поминальный. Но «растворились ворота, старуха выбежала встретить дочь, да вместо ее обняла холодное тело». «Растворились ворота» следует понимать как в прямом непосредственном отношении, так и в том, которое предполагает появление, выход, возврат, с обращением к своему, домашнему, человеческому, от того что другое, противоположное, не человеческое и не свое. Ворота являются не то чтобы связью с нездешним и потусторонним, но когда растворяются, предвещающие появление чего-то оттуда, предполагая это как неожиданность иномирного объявления. То же самое с возвращением падчерицы представлено в этом втором варианте (№ 96) по-другому. «Скрипнули ворота, растворилися двери, несут сундук высокий, тяжелый, идет падчерица – панья паньей сияет!

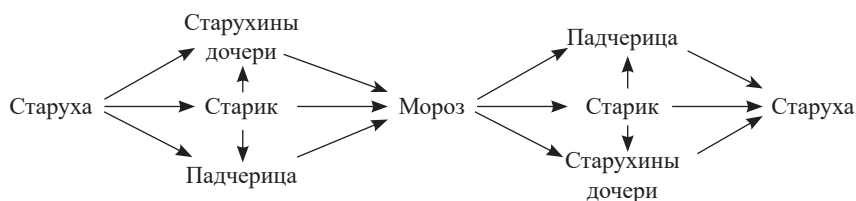
⁷ Как видящей то, что невидимо, и посредника с потусторонним. См. об этом, к примеру: Архангельская, 2020 (там же можно найти и литературу вопроса).

⁸ «Новую душу на «том» свете встречают ранее умершие родственники и соседи. Когда покойника несут на кладбище, его встречают все те, кого он при жизни провожал в последний путь. Те все души встречают возле кладбища. Эти души садятся на гроб нового покойника, когда его несут. Иногда умершие родственники и друзья приходят прямо к постели умирающего, и он видит их рядом с собой» (Левкиевская, 2004, 351–352).

Мачеха глянула – и руки врозь!». Ворота не растворились, а скрипнули, растворились двери (удвоение раскрываемого), несут сундук, а падчерица идет, не везут ее в санях с того света мертвую. Внимание следует обратить еще на два показательных места в тех же процитированных фрагментах. Старуха, выбегая встречать свою дочь, вместо нее обняла холодное тело. Дочери нет, есть холодное тело, поскольку смерть, насылаемая Морозом, ее с собой унесла. И второе: «Мачеха глянула – и руки врозь!» Глянула, чтобы увидеть то, что хотелось и ожидалось, а вместо этого видит то, что содержит в себе идею чего-то совсем другого. «Руки врозь» отображают отмеченную перед этим неожиданность иномирного объявления, увиделось не столько то, чего не ожидалось увидеть, сколько то, что являет собой возникшее на глазах положение не от мира сего.

Представленное в двух вариантах выбранного сказочного сюжета и связанное с его персонажами соотношение охарактеризовать можно следующим образом. Иницирующей происходящее, как отмечалось ранее в самом начале, будет старуха, которая сама при этом не действует, используя для этого старика, выступающего в этой связи проводником и агентом определяемого действия, ему от нее поручаемого и к нему обращаемого, по изгнанию, избавлению, отчуждению падчерицы, как объекта, с ее назначением в результате и следствии, смерти от «жениха» в первом случае (№ 95) и от Мороза без жениховства во втором (№ 96). Это было бы исходным актом происходящего взаимодействия. Следующим становится обращение полагаемых исходно значений – от смерти к богатству и благополучию для падчерицы. Далее снова старуха иницирует «благополучное» повторение того же для двух своих дочерей, для своей родной дочери, понуждая к осуществлению того же, но только по виду как отправление действия старика, не по изгнанию и избавлению, а по достижению, получению ими (ею) от Мороза богатства. С тем же исходным посылом к жениху в первом случае «путру рано старуха деток своих накормила и как следует под венец нарядила и в путь отпустила» и обе дочери ждут, недовольные, полагая, что все не так просто. «Что это у матушки выдумано – вдруг обеих замуж отдавать? Разве в нашей деревне нет и ребят! Неровен черт придет, и не знаешь какой!». Существенно в данном случае «вдруг обеих замуж отдавать», что почти нереально и что «черт придет» и «неровен», т.е. не подходящий, тяжелый в общении, неизвестно чего от него ожидать, да к тому же, возможно, что и с того света, поскольку черт. Мачехины дочери, обе по первому варианту (№ 95) и одна по второму (№ 96), как и падчерица, выступают в роли объектов получения, приобретения богатства от Морозко, как жениха в первом случае, и от Мороза без брачного назначения – во втором. Тот в свою очередь должен действовать как агент умерщвления для падчерицы и как агент одаривания богатством для мачехиных дочерей. В реализации, вследствие негативного поведения объектов, назначаемая ему от старухи роль одаривателя

меняется. В результате агентом одаривания он выступает для падчерицы, агентом умерщвления – для мачехиных дочерей, исходно назначенные ему роли меняются. В предложенной схеме в свернутом виде, как замысел и состоявшаяся вневременная реализация, представлено все это следующим образом:

Мороз тем самым оказывается в центральной части симметрически организованной динамической схемы, как тот, кому назначается (слева) полагаемое в проявлении действие *Mort/FortunProsper*, и тот, кто его выполняет согласно своему назначению, но в обращенном, обратном виде с точки зрения объектов, реализует (правая часть). Старик, в свою очередь, становится валентностным центром действия, назначаемого к исполнению (слева), и таким же центром в его исполненном завершении (справа). Старухины дочери, назначаемые к действию *FortunProsper* (поэтому в левой части вверху), в правой части внизу выступают объектами действия умерщвления *Mort*. Для падчерицы это действует в обращенном порядке, назначаемая к смерти (слева), она становится той, которая приобретает богатство (правая часть). И наконец, старуха себя проявляет как открывающая и как замыкающая пространство акционального проявления, оказываясь, вследствие этого на двух его полюсах – преследующей распорядительной доминации *DominPersecut* и реализуемого получения *RealAccep*. Что хотела – не произошло, а получила то, чего не хотела. Не потому, что задуманное ею было недостижимо и нереально, напротив, а потому (опять же по схеме), что действие потусторонних сил, потому и потусторонних, обращает (если отвлечься от поучительно-назидательной стороны) желаемое человеком в противоположно-обратное, при несоблюдении им в том их иномирие правил, предполагающих контактное взаимодействие, регулируемое соответствующим обращением и представлением при встрече «хороших речей».

Интерес представляет, исходя из сказанного, последняя фраза из уст старика, после того, как старуха его обвиняет в смерти своих дочерей (№ 95), переводя тем самым его положение посредника в исполнителя умерщвления, что относится к роли Мороза. В ответ на бранное замечание «Что ты наделал, старый пес? Уходил ты моих дочек, моих кровных деточек ... Я тебя ухватом прибью, кочергой зашибу! – тот не молчит на сей раз, отвечая в таком же неприязненно-бранном тоне. – Полно, старая дрянь! Вишь, ты на

богатство польстилась, а детки твои упрямыцы! Коли я виноват? Ты сама захотела». С одной стороны, мотив богатства имеет свое отношение к браку – богатый жених. Брак при удачном выборе – выигрыш вместо смерти. С другой стороны, упрямыцы или те, которые своим несогласием и противодействием (жениху) не могут достичь желаемого⁹, для них замужество обрывается смертью (брак и смерть¹⁰ согласно народной традиции смежны).

И в заключение «Коли я виноват?» старик должен был выступить в роли виновника-исполнителя смерти, а это не так, смену ролей он на себя не берет и делает не вполне обычное заключение: «Ты сама захотела». Чего захотела? В контексте произошедшего, при жениховом богатстве, желаемом себе и обернувшимся смертью, при детках-упрямыцах, не способных своим ролевым положением это богатство по браку принять, при «виноватости» применительно к смерти для старика, «сама захотела» следует понимать как то, что ведущей, определяющей деятельностью выступает старуха, которая захотела и своим хотением и иницирующим воздействием на события, сама подвела всех к такому концу. Следует это со всей очевидностью из приведенной схемы. Пятикомпонентная, обращенная ось «Старуха – старик – Мороз – старик – старуха» в движении от начала к себе повторяющему, но в обратном порядке концу, имеет в этом самом начале и в этом самом конце все ту же старуху. Получила она себе то, что до этого «сама захотела», инициировав происходящее и в действие его запустив. В том же контексте сказанного, упрямыц следует понимать как тех, которые, сопротивляясь и противодействуя, обращают движение вспять, от благополучия к неблагополучию, от обретения и богатства к утрате и смерти.

Завершая выведенное и сказанное, подводя итог, имеет смысл указать на мотивы Мороза, нашедшие свое отражение в двух вариантах текста рассматриваемого сказочного сюжета. Не вдаваясь в подробности подтверждений и соотнесений, только их перечислим в не организуемом специально порядке (часть из них уже ранее упоминалась):

– Пространство его (Морозко, Мороза) нахождения, активного проявления и контакта-встречи с ним определяет себя как нежилое, не освоенное человеком, глухое (бор, лес, глушь), открытое (чисто поле¹¹), пограничное, чужое, потустороннее, опасное, связанное с возможной смертью (су-гроб).

⁹ Средневековый мотив непокорной невесты, нашедший свое отражение в *Укрощении строптивой* Шекспира.

¹⁰ Ср. для примера мотив свадебных причитаний невесты в севернорусских, и не только севернорусских, брачных обрядах: «Был еще причет у часовни, в котором невеста просила себе «смертыньки скорые» («Заставай меня смертонька здесь, на здешной-то стороне»))» (Балашов, Марченко, Калмыкова, 1985, 49–50).

¹¹ Пространство, в котором замерзает приходится человеку. Подобный мотив нашел свое отражение в известной песне *Степь да степь кругом, Путь далек лежит, Там в степи глухой Замерзал ямицик*.

В связи с чем к нему едут в гости. «Ты, Марфутка, собери свое добро в коробейку да накинь белую исподку (чистую рубаху): завтра поедешь в гости!».

– Появление-приближение при вероятной встрече предполагает движение по верху и сверху, по елкам, соснам, все ближе и ниже, либо не отмечаемый и не исключено, что также и не замечаемый сразу приход.

– Моторика слышимо отмечаемых «телесных» движений предполагает вибрации, трясения и подскакивания, сопровождаясь любопытствующим интересом к объекту с его стороны. «Вдруг слышит: невдалеке Морозко на елке потрескивает, с елки на елку поскакивает да пощелкивает. Очутился он и на той сосне, под коей девица сидит, и сверху ей говорит... Приходит Мороз, попрыгивает, поскакивает, на красную девушку поглядывает». Неизвестно при этом, видим он или не видим, а только слышим.

– Трехкратное усиление постепенного охлаждающего действия, спускаясь все ниже и ниже. «Стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать; пуще затрещал и сильнее защелкал».

– Богатство и тем самым завидный «жених», но только вследствие сменяемой, замещаемой смерти. Если девица не умрет, замерзнув, то станет богатой, получит дары от него, ср. слова старухи, обращенные к падчерице: «Ну, что тут нюни-то распустила! Ведь жених-то красавец и богач! Мотри-ка, сколько у него добра: все елки, мянды (верхние части сосен) и березы в пуху; житье-то завидное, да и сам он богатырь!».

– Контактное при взаимодействии обращение с ним предполагает умные речи, ласкательную приветливость (Морозушко, батюшко, голубчик-Морозушко), приглашение (добро пожаловать), признательность, отмечающую умение и знание возможных его намерений. «Тепло», «Ой, тепло», «Знать, бог тебя принес по мою душу грешную».

– Окостеневание при смерти от замораживания (девица окостеневала; в мешке косточки).

– Брачный мотив, сопрягаемый с мотивом смерти, либо брак, либо смерть (жених, женихи – возьмут, не берут; собачка, поминальный блин, пирог). И в конце «Присватался сосед, свадебку сыграли, и Марфуша счастливо живет»¹² (№ 95).

– Мотив песенок на морозе от смерти и при избавлении от замерзания и смерти. Падчерица после того как «она его приветила, а он ей подарил пла-

¹² Тема мороза, смерти от замерзания не случайно ассоциируется, сопрягаясь в сознании, с темой брачной пары, любви и жены (либо брак, либо смерть). Ср. в упомянутой ранее песне (сноска 11), в ее продолжении, в котором ямщик, умирая, обращает к жене *Слово прощальное*, отдавая товарищу такой наказ: *Про меня скажи, Что в степи замерз, А любовь ее Я с собой унес*. Или, также в известной, песне *Ой мороз, мороз*, где появляется тема жены и коня, с обращением к морозу: *Ой, мороз-мороз, не морозь меня! Не морозь меня, моего коня! Моего коня белогривого. У меня жена, ох, ревнивая*. И далее: *Я приду домой на закате дня, Обниму жену, напою коня*.

тье, шитое и серебром и золотом. Надела она и стала какая красавица, какая нарядница! Сидит и песенки попевает»¹³ (№ 96).

Другие возможные мотивы¹⁴, связываемые с Морозом, поскольку не нашли своего отражения в двух затронутых нами текстах общего сказочного сюжета, не были предметом данного рассмотрения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архангельская, А.М. (2020). Собака как «нечистое» животное в традиционной народной культуре и языке. *Slavica slovaca*, 55 (1), 110–122.
- Афанасьев, А.Н. (1865–1869). *Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов*, т. 1–3. Москва: Изд-е К. Солдатенкова.
- Афанасьев, А.Н. (1957). *Народные русские сказки*. В 3 т. Москва: Государственное издательство художественной литературы.
- Балашов, Д.М., Марченко, Ю.И., Калмыкова, Н.И. (1985). *Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтоге (Тарногский район Вологодской области)*. Москва: Современник.
- Виноградова, Л.Н. (2004). Мороз. В: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 3 (302–303), Н.И. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения.
- Виноградова, Л.Н., Толстая, С.М. (1999). *Запреты*. В: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 2 (269–273), Н.И. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения.
- Власова, М.Н. (1995). *Новая АБЕВЕГА русских суеверий*. Санкт-Петербург: Северо-Запад.
- Даль, В.И. (2000). *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. Воспроизведено с изд. 1955 г., набранное и напечатанное со второго издания (1880–1882 гг.). Москва: Русский язык.
- Зеленин, Д.К. (1995, 1916). *Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки*. Москва: Индрик.

¹³ Ср. ту же тему в припеве известной песни (близость ассоциаций этнического сознания): *Холодно, холодно, холодно На морозе песни петь, Если милый не сумеет Лаской губы отогреть*, – тут же рядом *песни петь на морозе и милый с ласкою*.

¹⁴ Назовем только некоторые: семья Мороза, по сказкам (*Два мороза: Жил-был на свете старый Мороз Синий нос, и был у него молодой сын – Мороз Красный нос; Дети Деда Мороза: У Деда Мороза было три сына и одна дочка. Звали их Ветер, Лед, Иней и Снежинка*) и в приглашениях к угощению, в которых «мороза приглашали вместе с его «семьей»: *Мороз-мороз, иди кутти исти з детками и з женою, з маткою и з сестрою, з сватом и з братом!* (ПА [Полесский архив], киев., Копачи)» (Виноградова, 2004, 302–303); 12 плешей: *На двънадцати плъши морозъ лопається, повѣрьє* (Даль, II, 348) и о том же см.: Виноградова, 2004, 302; Мадлевская, 2005, 93; отмороженные, как умершие не своей смертью и потому заложные и потенциально опасные: Зеленин, 1995, 27, 64, 68, 100, 101, 118–119, 130, 176; Седакова, 1990, 55; с этим, видимо, косвенно связано *отморозок* и *отморозки* ‘человек без каких-либо моральных принципов’, с «отмороженной» совестью; и недалеко, отчасти, от этого *сморозить* ‘сказать глупость’ с морозу, ср. у Даля: *Такое прозвание, что с морозу не выговоришь. Это такъ, съ морозу сорвалось*. **Полно тебѣ морозить*, лгать, врать или хвастать. [...] *Экую сморозиль!* совраль (Даль, II, 2000, 248).

- Иванов, Вяч.Вс., Топоров, В.Н. (1982). *Мороз*. В: *Мифы народов мира*, т. II (К–Я) (176), С.А. Токарев (гл. ред.). Москва: Советская энциклопедия.
- Каспина, М.М. (2010). *Столкновение закона и обычая в традиционной культуре евреев Восточной Европы: народный иудаизм*. Антропологический форум, 13, 39–54.
- Левкиевская, Е.Е. (2004). *Мифы русского народа*. Москва: АСТ (электронная книга).
- Лутовинова, Е.И. (1991). *Русские сказки о мачехе и падчерице. (Опыт описания и классификации)*. Дисс. ... канд. филол. наук, Москва.
- Мадлевская, Е.Л. (2005). *Русская мифология. Энциклопедия*. Москва: Мидгард, Эксмо (электронная книга).
- Неклюдов, С.Ю. *Сирота в фольклоре*, <https://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/TROFIM2.htm>, доступ: 2.04.2023.
- Новичкова, Т.А. (1995). *Русский демонологический словарь*. Санкт-Петербург: Петербургский писатель.
- Седакова, О.А. (1990). *Тема доли в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал)*. В: *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд* (54–63), Вяч.Вс. Иванов, Л.Г. Невская (ред.). Москва: Наука.
- Толстая, С.М. (1995). *Магия обмана и чуда в народной культуре*. В: *Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке* (109–115), Н.Д. Арутюнова (ред.), Москва: Наука.
- Толстая, С.М. (2002). *«Ако се деца не држе»: магические способы защиты новорожденных от смерти*. Кодовы словенских култура, 7, 55–87.
- Толстая, С.М. (2004). *Обман*. В: Н.И. Толстой (ред.), *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 3 (457–460). Москва: Международные отношения.
- Топоров, В.Н. (1984). *Прусский язык. Словарь*, т. 4 (К–Л). Москва: Наука.
- Усачева, В.В. (1996). *Ритуальный обман в народной медицине*. Живая старина, 1, 29–30.
- Черных, П.Я. (1999). *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. В 2 т. 3-е изд., стереотип. Москва: Русский язык.

- Afanas'ev, A.N. (1865–1869). *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predanii i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov*, т. 1–3. Moscow: Izd-e K. Soldatenkova.
- Afanas'ev, A.N. (1957). *Narodnye russkie skazki*. V 3 t. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury.
- Arkhangel'skaya, A.M. (2020). *Sobaka kak «nechistoe» zhivotnoe v traditsionnoi narodnoi kul'ture i yazyke*. Slavica slovaca, 55 (1), 110–122.
- Balashov, D.M., Marchenko, Yu.I., Kalmykova, N.I. (1985). *Russkaya svad'ba. Svadebnyi obryad na Verkhnei i Srednei Kokshen'ge i na Uftyuge (Tarnogskii raion Vologodskoi oblasti)*. Moscow: Sovremennik.
- Chernykh, P.Ya. (1999). *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. V 2 t. 3-e izd., stereotip. Moscow: Russkii yazyk.
- Dal', V.I. (2000). *Tolkovy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*. V 4 t. Vosproizvedeno s izd. 1955 g., nabrannoe i napechatannoe so vtorogo izdaniya (1880–1882 gg.). Moscow: Russkii yazyk.
- Ivanov, Vyach.Vs., Toporov, V.N. (1982). *Mif y narodov mira*, т. II (К–Я) (176), С.А. Токарев (гл. ред.). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
- Kaspina, M.M. (2010). *Stolknovenie zakona i obychaya v traditsionnoi kul'ture evreev Vostochnoi Evropy: narodnyi iudaizm*. Antropologicheskii forum, 13, 39–54.

- Levkievskaya, E.E. (2004). *Mify russkogo naroda*. Moscow: AST (elektronnaya kniga).
- Lutovinova, E.I. (1991). *Russkie skazki o machekke i padcheritse. (Opyt opisaniya i klassifikatsii)*. Diss. ... kand. filol. nauk, Moscow.
- Madlevskaya, E.L. (2005). *Russkaya mifologiya. Entsiklopediya*. Moscow: Midgard, Eksmo (elektronnaya kniga).
- Neklyudov, S.Yu. *Sirota v fol'klore*, <https://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/TROFIM2.htm>, accessed: 2.04.2023.
- Novichkova, T.A. (1995). *Russkii demonologicheskii slovar'*. St. Petersburg: Peterburgskii pisatel'.
- Sedakova, O.A. (1990). *Tema doli v pogrebal'nom obryade (vostochno- i yuzhnoslavianskii material)*. V: *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoi dukhovnoi kul'tury. Pogrebal'nyi obryad* (54–63), Vyach.Vs. Ivanov, L.G. Nevskaya (red.). Moscow: Nauka.
- Tolstaya, S.M. (1995). *Magiya obmana i chuda v narodnoi kul'ture*. V: *Logicheskii analiz yazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke* (109–115), N.D. Arutyunova (red.), Moscow: Nauka.
- Tolstaya, S.M. (2002). «*Ako se detsa ne drzhe*»: *magicheskie sposoby zashchity novorozhdennykh ot smerti*. *Kodovi slovenskikh kultura*, 7, 55–87.
- Tolstaya, S.M. (2004). *Obman*. V: N.I. Tolstoi (red.), *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, t. 3 (457–460). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Toporov, V.N. (1984). *Prusskii yazyk. Slovar'*, t. 4 (K–L). Moscow: Nauka.
- Usacheva, V.V. (1996). *Ritual'nyi obman v narodnoi meditsine*. *Zhivaya starina*, 1, 29–30.
- Vinogradova, L.N. (2004). *Moroz*. V: *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, t. 3 (302–303), N.I. Tolstoi (red.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Vinogradova, L.N., Tolstaya, S.M. (1999). *Zaprety*. V: *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, t. 2 (269–273), N.I. Tolstoi (red.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Vlasova, M.N. (1995). *Novaya ABEVEGA russkikh sueverii*. St. Petersburg: Severo-Zapad.
- Zelenin, D.K. (1995, 1916). *Izbrannye trudy. Ocherki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoi smert'yu i rusalki*. Moscow: Indrik.